

ПОКОЛЕНИЕ

выпуск двадцать седьмой

книжное обозрение

В начале XXI века в поэзию вошло новое поколение. После нескольких альманахов и антологий этот книжный проект впервые представляет читателю самых ярких его авторов.

Виталий Пуханов
Клуб «Дебют»

Дмитрий Кузьмин
Издательство «АРГО-РИСК»

Илья Баранов
дизайн серии

Александр Авербух

ВСТРЕЧНЫЙ СВЕТ

2009

ББК 84.Р7 – 5

А 19

Александр Авербух. Встречный свет: *Первая книга стихов.* – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2009. – 48 с. – Серия «Поколение», вып.27.

Александр Авербух (р. 1985) вырос в Луганской области Украины. С 16 лет живёт в Израиле. Публиковал стихи в журналах «Двоеточие», «Воздух», «Октябрь», интернет-проектах «Полутона», «TextOnly», «Сетевая словесность». Шорт-лист премии «Дебют» (2006).

ISBN 5-86856-183-X

ББК 84.Р7

я, говорю, помню эту игру,
это когда языком расщелкивают икру,
долго мусолят, смакуя падали вкус,
ну а потом к нёбу придавливают
и хрусть!

если бы знала ёб той икринки мать,
как её доченька будет по ртам шнырять,
в синюю вену душистый настой ширять,
разве рожала бы дочку тугой икрой?
разве звала бы папашу, мол, сделай добро — покрой?
а там гинеколог, кесарево, хирург...

я, говорю, знаю эту игру,
это когда коммуналка,
в разводе,
дочь,

это когда не осилить не превозмочь
в полночь, и в два, и в четыре, и напролёт,
это когда по межножью дочернему он скребёт.

знала б, ни в жисть!
ну а теперь

выдохни

и держись.

и пули втыкались земле в живот
и долго зудел у неё живот
такой округлённый тупой червивый
там кто-то живёт и её жуёт
хваталась за поясицу
жаловалась — несчастливая
опять залетела не на свои круги
сошла с орбиты
и покатилась
на вас только заглядись
только наклонись
уже убита
когда бы была жива
дала бы ещё пожевать

когда ночь стекает по стенам напротив
моих óкон,
кто укладывает меня в ложе-противень,
расправляя смирительный кокон?
освобождая плечи, поправляя края,
приговаривая: куколка ты моя,
разжигает тупой огонь,
прижигая бескрылую спину.
я ничего не говорю, кроме не тронь не тронь,
я ничего не чувствую, кроме огненной паутины,
липнущей к обугленной наготе.
и я, залипший в пламенной немоте,
фразу вяжу,
не зная, как её опрокинуть

Кто вливает мне жгучую слизь в глазницы,
кварц дроблёный кладёт под сухой язык,
изнутри обжигает и копошится,
смолит бережно каждый стык

И горячее золото в горло прыснет,
мышцу кровью нальёт, попуская жгут
От лыжни отучает мысли,
и от лыж,
если лыжи жмут

И я позабыл лицо того, кто меня уронил
в самый центр речного слиянья,
в пылящий повсюду ил,
в свернувшуюся вокруг меня воронку,
сверлящую собой наслоенья отмерших чешуй.
И что я теперь? синь плавником чешу,
брюхом скребу водяную кромку.
а у самого глаза мутные,
нутро ватное.
Течение бьёт по лбу,
размывает блестящую чёлку.
А что мне теперь?
ду́шу в пузыри вдуваю и щёлкаю.

дальше уже не будет
становится только проще
маленькие частички срываются
нас становится больше
длинная очередь опрокидывается в райские кущи
воздух становится горше гуще
с комками
и кто-то его нам в горло впихивает
и толкает

сбирай народ
похеренный собирай
мы так похожи господи прости
все как одна обугленная туча
у ног твоих в затынутых онучах
ютимся у божественной кости
Петруша Мотыка и соседская Анисья
и Марья в полушубке лисьем
налипли, что и говорить
кому и верить

а ты идёшь на цыпочках
весь по колено выпачкан
меж пальчиков зудит
сюда вот можно ноженьку
поставить не боясь
пред господом пред боженькой
просохнет всяка грязь

улица гудела трепетала
а ты выгнулся разом грязь страхнул
она и опала

синие сливы дождя.
косточки плюхаются в компот.
тётя Маня пухлая пустая туча
посылает Димку в соседский сад.
пошли, мол, господи, дождичка.
батя, скотина усох,
всю меня выжимает,
слив просит.
Димка мигом — нá, батя, пей,
глотай те, что помельче.
а сам руки в кулачки жмёт —
хоть бы всё наладилось.

это ты раскачиваешь столбы,
это твоей не слышно ночной ходьбы
возле меня

возле него

возле них,

это когда сужается воротник,
вшивая синь зудит,
это когда раскручивают землю,
выворачивают с осью,
оставляя гром позади.

всюду тобой пронизано, господи,
как же ты весь горчишь,
небце твоё подкашивается,
тучи твои облизываются,
темень слюною горячей стекает с крыш.
в небе зияет брешь,
хочет меня назад.
и что мне ответить ей после этого,
что сказать?

и, головы высовывая из нор,
кто смотрит на вкопанных нас в упор,
ноги босые обвивая, за голень грызёт,
забивая под ногти чернозём.

— я знаю, —

побоится сказать червь, —

кто мучит дерево, высасывая сок,

и зачем,

кто по кости змеиный вытачивает узор.

это такое время настало для нас, такой сезон
сбрасывать тяжести наземь, разбивать о паркет лоб,
руками оглоданными разводять,
и телом со вмятинами от скоб

поворачиваться по сторонам

и вскидывать взгляд вверх —

вот она, господняя целина,

вот он, небесный мех,

волнами свисает и втягивает струёй

души, выскобленные из тела невидимым остриём.

И кто его знает, как оно было после,
но мы уж стояли, дыханье замедлив, возле
разверстой ямы,
 вблизи
 недалёко
 подле,
срываясь на дно унавоженное
 в исподнем,
и грудью дырявой влипали в подземный смысл,
и плотное облако душ над землёю висло.
и день растекался по спинам горячим маслом.
о, кто нас укроет
 и втопчет своею массой,
чтоб ломкие наши загаженные тела
вместились, чтоб каждый вернулся на свой виток,
откуда извергла его земля,
откуда господь извлёк.

кто с выемкой срастается, не ропща,
кто вслепую находит свои пазы,
уподобляясь изъятым прежде из них вещам,
вмещаюсь, не знает наружу другого хода
с этим в связи
изымает себя полностью из обихода.
Господи, как же расположиться между этих плеч,
если прежде
был неприкаян, а ныне в между-
речь —
между речью и речью,
обтекающими со всех сторон,
когда всё это кружится возле тебя и журчит,
ну а после стынет и съёживается в бетон,
дальнейшему движению
не найдя причин.

в госпитале ненадёжных солдат скорбели
санитарки под руки приезжих выводили
граблями следы скородили
зубья оземь скоробили
часики тикали скоро били
времечка бусинки нанизывали
санитарки солдат мимо смерти выпроваживали
подбородки о порог били
вот оно что будет
кто же пред безнадёгой веслом отмахнется повраждует
в полседьмого выйдет к просителям
лицо сечёное неся
чего стучитесь смертельно
дать-то нечего
у нас дать больше нечего

Молчишь-молчишь, потом как скажешь,
и скорчишься, не высказав,
и сляжешь,
и щёки западают от испуга,
и, непривычны к говоренью губы,
выводят гласный звук
некруглый,
и загибаешь к нёбу кончик языка,
согласный звук чтоб сплунуть,
и плевка
уже не видишь и не слышишь,
а только тяжело дышишь.

ты говоришь жизнь тут жидка пуста
как ни расположись куда себя ни поставь
в какой потаённый угол ни заключи
всё равно насквозь просвечивают лучи
сколько карманы ни выворачивай чем ни корми
это место ямой перед тобой горит
чёрный огонь подкапывает под нас
плавит в перстнях глазниц голубой алмаз
кипятит и сдувает пенку
в распахнутый омут мглы
и мы руками разводим стены
пятками выдавливаем углы
где время гирей нависло на тонких дужках
пространство отсчитываем и бьём
словно камушки в погребушке
бьют по стенкам храня объём

веришь,
если по сторонам запретить глядеть,
если забыть на тебя похожих блядей,
через соломинку высосать память
и ничего на костлявом донышке не оставить,
выронить голову,
как много останется от тебя
того, что можно выпростать и ронять,
что разлетится на невидимые куски,
разлезется, прежде чем распороли,
на нити окутавшей нас тоски
из точки стяжения неразделимой боли.

выйду возле аптеки
так и спрошу не поднимая век
как бороться с этим отёком?
ты мне не тюкай не дакай
я боюсь уходить отсюда таким варнаком
покачиваясь как синяя слива
на блюдечке
не облачиваясь
сiju вот с краешку примочек отваров настоек
и кто-то меня так взбалтывает
не зная что я пустое

вот он камень
вот зерно развернулось ростками
всё набило оскомину
только Ты во мне тесно скован
сбит из соринок и крошек
посреди грудной воды
раскрошу тебя птичкам кошкам
впрок натолку лебеды
пойду шататься по хуторам
по околицам по буграм по дворам
по пути млечному
тело нести порожнее
прислоняться к каждому встречному
божьему

взгляд этот — позолочен,
тонет в жирно-намазанном и густом,
когда разглядываю в осмолённой горловине ночи,
как стенание, набухая, расщёлкивает пистон.
боже, чему ещё ты сердце научишь,
в груди раскатанное пластом?
как кувыркается крик колючий
под тѣла выгнувшимся мостом?
или ничему не научишь,
выжав горячую кровь в фужер,
так и оставив мясную лепёшку в теле
плавно вертящейся на ноже?

его раскусили сразу
вытащили как ослепительную занозу
как маленькую заразу
оно не помнит изнанку своей лузы
сетку вен
акушерка машинально зажимает порезы
будто срезает розы
думает о бесконечной смене
мать до утра отлёживается
встаёт и уходит не называя имени

раскрываешь землю а в ней кишат
много-много подземных больных мышат
(молодыми кореньями воздух сжат)
а живёшь и не думаешь наперёд
кто приходит и нас в оборот берёт
и замесит в такую уже красу
где овечек невинных следят пасут
где мозги промывает и кость вода
где не выжмут ни слова из уст года
но заполнит по горло невнятный гул
в рог бараний который меня согнул
в этом мире танцующем под дуду
как в пожизненном и раздвижном аду
в пламенеющем будто нарыв саду
пусть сведут в глубину меня под уздцы
и пусть сыщут в болотной воде концы

каждый плебей водит по горлу своим смычком
говорит не напрягайся спой
загребают у глиняных губ сачком
пения клочок пустой
видимо каждому ясность своя дана
и глубина что по горло стоит
черпать с колодца не доставать до дна
видеть как жизнь слоит
иловый кокон смазывая лицо
а ты просчитай до ста
если на дно уходить торцом
на цыпочках смерть достать
то вряд ли из памяти вырвешь клочок
из шерсти могильной репей
из груди последнее вынь тепло —
обмылок тугих кровей

во внутреннем шуршании слышатся голоса
диких зверьков разгрызающих жёлтые жухлые плечи
в старом прокуренном пиджаке
тело жуёт вымершее наречье
это не случай когда за шиворот оттянуть
резко встряхнуть выяснить в чём проблема
вырвать из глотки не дать пожирающему сглотнуть
выхватить голой рукой из костра полено
чем помочь тебе рот повествующий ни о чём?
когда сердце шурует кровь в постоянном
предсмертном страхе
подставляю тебе плечо
родившегося в рубахе
вот мы смотрим на поперечный срез
прожитых жизней жмурим глаза зажимаем уши
оттого что вбирает в себя без остатка воронка
крутых небес
как последняя из отдушин

верить всему что говорят за спиной
камни слагать под битой стеной
кто подойдёт после всего ко мне?
бросит камень в грудь камней?
я уже не говорю давно
будто ворочаю с места на место глыбу
и слова тянут меня на дно
к глубоководным рыбам
можно конечно глубже сего копнуть
разбередить складки речного ила
и это будет самый короткий путь
по которому жизнь пустила
ну а можно гальку по толще воды запустить
зажмурить глаза пальцы скрестить
загреметь прямиком в камыши
не чуя в себе души
кто-то что-то сказал ещё напоследок
будто разгладил фольгу
знаю что можно и так и эдак
но я никак не могу

увидел яблоко рассветное тяжёлое
и не буди их
хлеб беззубым ртом разжёвывай
я видел в кронах бигуди горели жёлуди
покамест спят прощайся
с дитятками жёнами
пока фигурки спят родимые моржовые
и кости трут о лезвия ножовые
я рою яму рукавицами ежовыми
и опускаю яблоко за яблоком
в большую землю красную горящую
и ухожу домой худой
заплаканный

где вы теперь восторженные собратья?
всё до тошноты последовательно
не опередить не выебнуться не соврать
сначала разламывать рёбра нажимать enter
потом откачивать накопившееся
продувать аорту
на свету рассматривать моль разгрызающую
озоновые дыры
замерять диаметр докладывать взволнованным голосом
в центральное статистическое бюро
мол нужно что-то с этим делать натянуть на лампочку
туго заштопать
пока я стою и смотрю как вкручивают мне в грудь штопор
и я счастлив потому что откупоривают моё пусто
потому что всё у нас теперь запросто

языком по воспалённому нёбу
глазками шаркая по небу
слышишь я даю ёбу
я с тобой никуда не поеду
у меня тут будущее с такими данными
тонна работы
это конечно душевная рана
пять лет вместе
поезд трогается
кто-то ревёт аж заходится на перроне
себя под поезд роняет
никак не уронит

тело моё уже здесь
умеет руки поднять, может себя раздеть
знает себя сложить
мне бы пошире его разжить
а то грызёшь сургучовую таблетку
а ключ в груди проворачивают так медленно, так редко
что пока мы голос в себе начнём
пока очнёмся
кто-то высмотрит дыры отупевших глаз
выдумает всё
и выговорит за нас

поздно.
я выключаю свет
ты утопаешь в свитере в вязаном коконе
в виноградной листве

это любовь глубокой осенью,
когда майки, колготки, прослойки носков
я к тебе уже не так ласков
то, чего мы стеснялись, уже не страшно
и даже не грешно
запах листвы
и тело плывёт на большом костре
и по-прежнему
руками гребёт и хочет уплыть быстрее
опрокидываясь на спину

я не встану
потому хоть и утро, но очень рано
тело свалено в груды — тлеет
и кто-то дует в эту золу.
и ему оттого теплее.

Так и бывает встал кофе выпил
вспомнил последний бред
на больше не хватит бед
над ухом звякает касса
чужое болит добро
выдуло ветром мясо
выломало ребро
Кто-то решает мою проблему
хочет чтоб успокоился
дал подзатыльник
поддал по колену
пробует ниже пояса
господи боже не дай одному
быть в темноте утра
горечь уйму и на большее
я не разину рта

всё это будет не то
что ни пусти сквозь мелкое решето
это будут не те слова
которые стоило бы слагать
всех не припомнить примет
коиими взгляд оброс
это будет другой ответ
на давний не мой вопрос
лучше пусть замолчат
сказанное поправ
мысли с чужого плеча
оторванный жизни рукав
кто тут решится расставить знаки
беглой рукой развести
белого неба слепую накипь
твёрдый сорвать настил
руки солнечный застыт огонь
горячих кругов извне
кто-то душу мою настиг
и решетит в огне

где камни канут в пучину вод
там уже не проходят вброд
ну же просто глаза сомкни
и меня туда подтолкни
это такое дело
лишь бы выдержать на плаву
побарахтаться
не захлебнуться
и тебя выбросит на траву
под горящий цветок настурций
где другое небо распахнуто коридором
где сжигает взглядом
язвит укором
льёт прохладное за́ душу молоко
где ногам не нащупать верней опоры
боже мой
где мне так легко

то на себя посмотрю то кругом
то на неба гляну низкий навес
раскалённым где утюгом
заутюживают порез
сушит горло дырявый полдень
мерит силу мою с нуля
то откинет со рта щеколду
то воткнёт незаметно кляп
слово с делом моим дотошным
душу выбитую свербят
под ребристую божьей подошвой
вижу втопанного себя
день мой тихо стирает оси
от начала и до конца
когда кто-то во тьму выносит
контур смазанного лица

только головой не верти
не говори я хочу жить взаперти
тоже как-нибудь да хочу
на дне деревянных лачуг
руки ноги где поместить нельзя
двинуть к стене ферзя
день опрокинуть другой набекрень
не говорить про мигрень
главное это не верить в звонок
встать и защёлкнуть ещё раз замо́к
смело за вóрот закинуть крючок
я здесь только прилёг
я ни при чём
не стойте у моего одра
полное море не моего ведра
наземь опрокинулось
сожми в кулаке паруса
море красного колеса

и вот она сказала и молчит
и не течёт
и мел не вымывает
по дну картаво вёслами скребёт
и больше не любить
когда страдала
неназванность
не вовремя войдя
в светлицу
кто о ней сказал взаправду
в большую жизнь входила поперёк
назвалась именем и это именины
какой-то нины
блёклой антонины
её сестёр и братьев и мужей
с которыми развѣдена
подавно
огромный плот оплот
и платяной
а может шкаф
и вышиблены створки
а у порога мутная река

Совет превечный,

или

Неумолимый плач монахинь по тайне неизречённой

когда там гром и огненный
стою
дождь обжигает дерево
в строю
Тигр вымывает чрево
а Евфрата
под корни пустят жирную струю
из-за бугра как тени восстают
как вражеские тени достают
и пики колют берег наш покатый
мы ждали пару тысяч лет пока
нам силы снисходили свысока
тяжёлый дождь
и щебень
о бока
ну а теперь по горло душная река
не движется не поколеблется
ни даже
летят большие лепестки
горящей сажи
с очей горящих
пропастью пропажи
не отряхнуть
не оградить живот покатый от пинков
он бьётся о турецкие ладьи
горячий
о железные бадьи
под снегом и дождём и криком попадья
и никуда ни выйти ни зайти

ни выйти ни зайти

ни убежать отсюда

пусть только двинется стоячая река

дотронется до лба холодная рука

до живота дотронется рука

никто к нам не придёт издалека

пусть кто бы ни был

чтобы охлаждать

нам некогда сидеть его и ждать

нас некому несчастных осаждать

в том городе который весь горит

река

рукой

о горе говорит

горящими губами

мир творит

парит во мне

со дна

вся изнывает

и что за непонятная нужда

когда нам некогда

и мы не можем ждать

кто дрогнет первый

старого вождя

такого маленького

стыдно говорить

такого крошечного

стыдно сотворить

что мы не выдержим и пустимся парить

он твёрдый мякиш в потном кулаке

лицо его в холодном молоке

а сам он весь в железном кулаке

воробышек в стеклянном потолке

ему бы лето целое

качаться в гамаке

Содержание

я, говорю, помню эту игру...	5
и пули втыкались земле в живот...	6
так, выев мякиш, бросают корку...	7
когда ночь стекает по стенам напротив...	8
Кто вливает мне жгучую слезь в глазницы...	9
И я позабыл лицо того, кто меня уронил...	10
дальше уже не будет...	11
сбирай народ...	12
синие сливы дождя...	13
это ты раскачиваешь столбы...	14
и, головы высовывая из нор...	15
И кто его знает, как оно было после...	16
кто с выемкой срастается, не ропща...	17
в госпитале ненадёжных солдат скорбели...	18
Молчишь-молчишь, потом как скажешь...	19
ты говоришь жизнь тут жидка пуста...	20
веришь, если по сторонам запретить глядеть...	21
выйду возле аптеки...	22
вот он камень...	23
взгляд этот — позолочен...	24
его раскусили сразу...	25
мы часовых вкопали,...	26
раскрываешь землю а в ней кишат...	27
каждый плебей водит по горлу своим смычком...	28
во внутреннем шуршании слышатся голоса...	29
верить всему что говорят за спиной...	30
увидел яблоко рассветное тяжёлое...	31
где вы теперь восторженные собратья?..	32
языком по воспалённому нёбу...	33
тело моё уже здесь...	34
поздно. я выключаю свет...	35
Так и бывает встал кофе выпил...	36

всё это будет не то... ..	37
где камни канут в пучину вод... ..	38
то на себя посмотрю то кругом... ..	39
верю — это его работа... ..	40
только головой не верти... ..	41
и вот она сказала и молчит... ..	42
Совет превечный, или	
Неумолимый плач монахинь по тайне неизречённой . . .	43

«ПОКОЛЕНИЕ»

Дина Гатина.
ПО КОЧКАМ

Ксения Маренникова.
RECEIVED FILES

Михаил Котов.
УТОЧНЁННЫЕ ЛАСКИ

Татьяна Мосеева.
СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

Юлия Идлис.
ВОЗДУХ, ВОДА

Пётр Попов.
ЖЕСТЬ

Илья Кригер.
ИНТРОСПЕКЦИЯ

Анастасия Афанасьева.
БЕДНЫЕ БЕЛЫЕ ЛЮДИ

Наталья Ключарёва.
БЕЛЫЕ ПИОНЕРЫ

Павел Гольдин.
УШАСТЫХ ЗОЛУШЕК СТЯ

Марианна Гейде.
СЛИЗНИ ГАРРОТЫ

Вадим Кейлин.
ЯБЛОЧНЫЙ SPACE

Андрей Гришаев.
ШМЕЛЬ

Настя Денисова.
НИЧЕГО НЕТ

Анна Русс.
МАРЕЖЬ

Данил Файзов.
ПЕРЕВОДНЫЕ КАРТИНКИ

Тимофей Дунченко.
КАПКАНЫ ДИВНОЙ КРАСОТЫ

Тарас Трофимов.
ПРОДАВЕЦ ПОЧЕК

Анастасия Романова.
БОЛЬШОЙ СОБЛАЗН

Денис Сюкосов.
ЭТО ЧТО

Алла Горбунова.
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ, МАТЬ АДА

Василий Бородин.
ЛУЧ. ПАРУС

Валерий Леденёв.
ЗАПАХ ПОЛИГРАФИИ

Антон Очиров.
ЛАСТИКИ

Мария Ботева.
ЗАВТРА К СЕМИ УТРА

Мария Ташова.
ВСЕ РЫБЫ

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ
(современная русская поэзия)
<http://www.vavilon.ru/order/>

Подписано в печать 21.03.2009. Усл.печ.л. 1,75
Гарнитура Футура. Формат 70x90/32. Тираж 500 экз.
Изд-во АРГО-РИСК 117648 Москва, Сев.Чертаново, 8-833-218.
Типография Россельхозакадемии. Москва, ул.Ягодная, 15. Заказ